

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.80.56.010

Семья как носитель социальной семиотики в ее культурно-историческом изменении

Антонова Елена Леонидовна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, культурологии, науковедения,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Российская Федерация, Белгород, ул. Королева, 7;
e-mail: e-pi-fan@yandex.ru

Реш Олеся Владимировна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин,
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Российская Федерация, Белгород, ул. Королева, 7;
e-mail: Olesya-Resh@yandex.ru

Аннотация

В статье ставится вопрос о том, как наблюдаемая в современном социокультурном пространстве глобальная тенденция к подмене семантики (не только научных терминов, но и устоявшихся в общественном сознании понятий) влияет на формирование мировоззрения и мировосприятие. Рассматриваются основные научные направления, свидетельствующие о повсеместном росте интереса к семиотическому «знанию», способному не только пролить свет на прошлое, но и на возможное будущее человечества, которое целиком зависит от цели пересемантизации «старых» знаков-символов, скрытой в «новых» «кодах» культуры и уже сегодня складывающейся в узких кругах мировой и национальной элиты. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в основе многих современных проблем лежит ломка сознания человека, столетиями бытующего как «homo hierarchicus» – человек иерархический – в традиционном культурно-семиотическом пространстве, строго охраняемом законами естественного права и общественной моралью. Если помнить, что «знак», «знание» и «сознание» имеют общий корень, то можно понять какие возможности для конструирования «потребной» действительности открывались и открываются в исторической перспективе перед «посвященными». Постигание семиотики как системы знаков помогает сегодня рассмотреть широкий спектр ее идеологического и практического применения: в исторический период в области формирования мировоззрения (индивидуального и общественного сознания), в современном мире – с целью кардинального изменения установившегося социального порядка (внутреннего устройства общества). В этом

контексте семантика исторически сложившейся социальной «семиотики выступает как вторичная, после языка, моделирующая система», носителем которой является семья как исходная модель социума. Так как семья, общество, власть организуются по единой трехмерной модели, то малейшее изменение в ее «архитектуре» тотчас же, как предвестник грядущих в будущем социальных, властных и «культурных» перемен, проявляет себя в изменении места семьи в системе общественных отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Антонова Е.Л., Реш О.В. Крестьянское жилище в семиотическом пространстве народной художественной культуры // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 4А. С. 76-86. DOI: 10.34670/AR.2020.80.56.010

Ключевые слова

Социальная семиотика, семантика, семья, русская культура, знак-символ, культурный текст, культурный код.

Введение

Социальная семиотика, сформировавшаяся в мифологический период и закрепившаяся в семейно-бытовом обрядовом фольклоре и религиозных таинствах как культ семьи, способствовала поддержанию нравственности в народной среде. Семья духовности и нравственности, посеянные ими, прорастали в лоне традиционной семьи: в ее семейном быте и укладе, органично соединявшем в единое целое разные поколения. Таким образом, социальная семиотика на «базе» семьи стабилизировала социальные отношения. Что же касается города, то сам образ жизни в нем не способствовал объединению семьи в многопоколенный «союз», хоть семья играла и здесь не менее важную роль, чем в деревне. Связывая порой даже антагонистические сословные уровни, брачные союзы перманентно выступали главным «фактором» упрочнения «социальной ткани» полисов. В этом смысле можно сказать, что семья выступала фундаментом не только деревенского, но и городского социума.

В современном социокультурном пространстве наблюдается ослабление роли семьи, которое коренится в пока еще мало заметной для обыденного сознания смене «акцента» в традиционной социальной семиотике. Ее «перекос», выразившийся в феминизме, однополых браках, в появлении женщин-премьеров и женщин-священников, как звенья одной цепи ведут к грядущим революционным изменениям в структуре общества, власти, а значит – в культуре. Это неизбежно по той простой причине, что «семейная модель» любого этноса как «носителя доминирующих социальных и культурных черт нации» [Лукина О. Г., Бычков Ю., А., Реш О. В., 2019, 42] изначально ложится в основу его «культурного кода». Изменение «семейной модели» неизменно влечет за собой изменение «культурного кода», выражением которой является социальная семиотика, а, в конечном счете, культура.

Необходимость сохранения традиционно сложившейся «модели» социальной семиотики сегодня очевидна: создание и сохранение крепкой семьи, как основы государства, должна быть закреплена на мировоззренческом уровне. Решение данной проблемы можно найти в понимании последствий «трансформации» системы социальных знаков как формы выражения социальных отношений.

Мировоззренческие основания социальной семиотики как вторичной моделирующей системы

В традиционной русской культуре патриархальная семья – носитель социальной семиотики – выступала как идеальная модель «макрокосма»/социума, а семейный уклад выступал как «модель» социальных отношений. Вместе они лежат в основании «культурного кода» нации и выражают мировоззрение, картину мира и ценностные ориентации совокупного социума.

Если помнить, что во всякую живую культуру «встроен» механизм умножения ее «языков» (например, «язык» символов как форма выражения мировоззрения, картины мира и ценностных ориентаций, «язык» искусства и т.д.), то становится понятно, почему, в начале XX столетия семиотика как наука зарождается, а, начиная со второй трети XX столетия – «развивается» в очень разные направления. Если в американском «ответвлении» семиотики объектом изучения становятся различные невербальные символические системы, например, жесты или языки животных, то в Европе главенствует семиотическая традиция, восходящая к Ф. де Соссюру [Де Соссюр Ф., 1997].

Результаты изысканий первых десятилетий XX столетия были использованы в работах выдающегося немецкого философа Эрнста Кассирера [Кассирер Э., 1995], в частности в его капитальной монографии «Мифологическое мышление» (1925), составляющей второй том трёхтомной «Философии символических форм». Вместе с Б. Малиновским и Э. Дюркгеймом, Э. Кассирер признает прагматическую функцию мифа, которая заключается в утверждении природной и социальной солидарности. Здесь необходимо разграничивать миф как повествовательную единицу (исторические мифы) от мифа как элемента парадигмы (парадигмальные/«идеологические» мифы). При таком подходе становится понятным, почему в историческом измерении культуры момент возникновения той или иной особенности в социальной организации и появление соответствующих элементов в мифологической парадигме не всегда поддается хронологическому разделению (раньше-позже). Более того, возможны случаи, когда сама социальная организация становится мифом как формой выражения «системы ценностей, определенным образом упорядоченных» [Косарев А., 2000, 60] (западный вариант обоснования и «легитимации» социального устройства). Поэтому, как это ни парадоксально, но насколько вещь, предмет, явление «имеет не только прагматический, но и семиотический статус», настолько их «планом содержания оказывается ... система представлений», а миф ее реализующий – элементом парадигмы. Иными словами, миф был и продолжает оставаться инструментом формирования мировоззрения и конструирования «потребной» социокультурной действительности. По мнению Э. Кассирера, этническая психология заменяет идентичность Абсолюта идентичностью человеческой природы и «моделей» семьи, быта и социального поведения как носителей социальной семиотики, а также общими законами образования представлений и т.д. Только в этом случае мировоззрение превращалось из универсального «мерила» в универсальный «инструмент» конструирования социального и природного миров-пространств как места человека в мире. Подобная позиция резко противостояла научному мышлению XIX века. Э. Кассирер сумел выдвинуть свою оценку интуитивного эмоционального начала в мифе и вместе с тем, проанализировать его как форму творческого упорядочения и даже познания социокультурной реальности посредством семиотики. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что Э. Кассирер, таким образом, предложил большой «философско-семиотический» труд, в котором он исследовал историю общественных отношений на определенных исторических этапах с использованием социальной

семиотики.

Исходя из генезиса культуры, можно утверждать, что семиотика – являясь способом конструирования повседневной действительности и построения культуры – берется за основу формирования «идеологии», основывавшейся на морали и нравственности. Так как человеческая жизнь (и история человечества в том числе) состоит из перманентного воспроизведения – вечного повторения – ограниченного количества «схем» поведения¹, то изменение социальной семиотики как носительницы значимых для человечества смыслов как «кода культуры» означает изменение стереотипов, а значит – культуры.

Эволюционное развитие семиотики как системы было довольно сложным: «от генеалогических схем, иллюстрировавших мифы-повествования о первопредках и временах творения до многоплановых и развернутых в длинные цепочки мифов – носителей символических знаков» [Деррида Ж., 2000, 61]. Поэтому можно утверждать, что «эволюция исторической мифологии – это важнейший источник и «двигатель» эволюции духовной жизни человека, а вместе с ней – эволюции социальной структуры и самой культуры. Это тем более важно, если помнить, что в мифологии в образно-символической форме представлены не только все известные в современном знании и теоретически оформленные концепции пространства и времени»² [Лукина О. Г., Бычков Ю., А., Реш О. В., 2019, 43], но и «модели семьи» – в ее матриархальной и патриархальной «ипостасях». Доминирующие на разных этапах истории культуры, «модели семьи» определяют тип культуры, отчего социальная семиотика выступает как «код» культуры, выражающий специфическую символическую картину мира. Именно по этой причине культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся посредником между человеком, окружающим миром и социумом, где семиотика выполняет функцию «вторичной, после языка, моделирующей системы» [Лукина О. Г., Бычков Ю., А., Реш О. В., 2019, 43], где число «три» определяло не только структуру идеальной модели пространства (мира, культуры) и времени (семьи, социума), но и динамического процесса³. В основе построения социума лежала модель трехмерного вертикального пространства, согласно которой социум был разделен на верхний, средний и нижний слои. Модель троичного единства распространяется и на духовную сферу (в православии – это Бог-отец, Бог-сын, Святой дух).

¹ Т.е. – «действия по аналогии». Каждый человек путем проб и ошибок вырабатывает собственную «схему» поведения и существует исключительно в рамках ее «замкнутого круга», «выскочить» из которого можно только при помощи ломки стереотипов, а значит – жизни. По этой причине в кризисные/переходные моменты истории многократно повышается смертность здорового трудоспособного населения и снижается рождаемость – его воспроизводство. В этом и заключается основной «принцип» действия закона «естественного отбора» – выживают наиболее «гибкие», а значит – жизнеспособные индивиды, способные к приспособлению – к выработке нового жизненного стереотипа.

² Интересно, что научное мышление выстроено на превосходстве понятия времени над понятием пространства, тогда как в мифологическом, а затем в фольклорном – традиционном – мышлении пространственное мирозерцание доминирует над временным. Отсюда разница между синтетической – фольклорной – формой рефлексии в «неписьменном» типе культуры и аналитической формой рефлексии – в письменном.

³ Показательно, что славянофилы в русской культуре становятся первыми «теоретиками» семьи, дома и устройства быта. Им удалось не только осмыслить архаическую модель семьи и дома в их целостности, но и выявить ее аксиологическую обусловленность и идеологическую направленность. Сакрализация семьи и дома непосредственно вытекала из романтической идеи «универсального синтеза» – всеединства различных – духовных и материальных – начал. Несмотря на то, что в общей славянофильской концепции духовной культуры религия занимала центральное место, – в частной концепции Дома на первый план выдвигалось не религиозное, а семейное начало, в чем явно прослеживался свойственный народной культуре культ семьи и семейных уз.

«Центром» «социального космоса» являлся человек, наделенный сакральной властью.

Принцип построения жизни по этому образцу – «модели» – наследуется всей фольклорной культурой и передается в виде стереотипа жизнедеятельности – традиции. Только в реальной жизни в «старой модели», заданной мифом и остающейся образцом для каждого нового поколения, на уровне социальной семиотики актуализируются «ценные» для них смыслы. Именно это имел в виду Екклесиаст, когда утверждал, что все новое – это хорошо забытое старое.

На этом основании можно констатировать, что в результате первичной «переработки» информации и перевода ее в знаковую – семиотическую систему происходит своеобразное «удвоение мира»: наряду с естественной – биологической – природной средой начинает формироваться искусственная – социальная среда, в основе которой лежит как универсальная модель мироздания, так и «стереотипизация-универсализация опыта – традиция: общие миропонимание, картина мира, историческая память как факторы, интегрирующие, стабилизирующие и воспроизводящие изначально заданную «модель» социума» [Косарев А.Ф., 2000, 40]. Собственно, эта «схема» и является «кодом культуры» – механизмом, превращающим культуру в саморазвивающуюся систему.

Заключенные на образном/архетипичном – допонятийном – уровне в мифе/знаке, мифологические «модели» как единственно возможные и удерживаются в фольклоре – «тексте». Поэтому фольклорные «тексты» «просвещают», а затем опосредованно «конструируют» потребную социуму социокультурную реальность. Этим объясняется, почему исходным способом переживания бытия становится его мифологизирование, а также причина, по которой при организации жизнедеятельности даже в современный период истории – «активность» мифа является конструктивной.

Необходимо отметить, что любой переходный период подготавливает почву для «неустойчивости» смысложизненных ценностей, в которых более или менее явно выражается социальная семиотика. Все это служит толчком для трансформации общества, а значит – изменения «модели» семьи, как малой церкви, в которой осознается ценность семейных уз, семейного воспитания и нравственности семейных отношений.

Таким образом, социальная семиотика – семиотика «семьи» (ее «трехмерная модель», «модели» быта и социального поведения) – «заклучали в себе «архетипичные образцы» и «правила» взаимодействия с миром, гарантировавшие выживание. Представляя собой «культурные тексты», которые передавались из поколения в поколение, они регулировали жизнь и деятельность коллектива, обеспечивая его продолжение в вечности, отчего в исторической перспективе они, по сути, превращались в специфический «культурный код»» [Лукина О. Г., Бычков Ю., А., Реш О. В., 2019, 43]. Именно по этой причине доминирующие на разных этапах истории культуры, «модели семьи» определяют тип культуры. Изменение положения семьи в социуме, ее «модели», находит выражение в социальной семиотике как «коде культуры».

Семья как исходный носитель социальной семиотики

Если исходить из предпосылки, что культура – это своеобразный «генетический код», сформированный в границах четко обозначенных мировоззренческих «координат», «координатная сетка человека и любой человеческой общности ... призма, глядя сквозь которую человек воспринимает, понимает, чувствует мир» [Жидков В., 2001, 75], то становится

понятным, что «человек воспринимает мир через некую систему ценностей» [Жидков В., 2001, 75], которая имманентно включает в себя «социокультурные стереотипы поведения и культурные традиции». Здесь следует помнить, что те «стереотипы культурного поведения» и «культурные традиции», сквозь призму которых оценивается действительность, формировались в рамках «моделей» взаимодействия с окружающим миром, уходящих корнями в мифологию, но действуя, в узком смысле, как «архетипы», а в широком – как элементы «культурного кода», они по инерции, на уровне общественного сознания, продолжают сохранять актуальность и в современных – «модернизируемых» – обществах.

Для того, чтобы понять, какую роль в гармонизации взаимодействия человека с окружающим миром сыграла семиотика как вторичная, после языка, моделирующая система, где число «три» определяло не только структуру идеальной модели природного и социального пространства и времени, но и динамического процесса, достаточно рассмотреть семиотику семьи и семейного быта, выражавшую мировоззрение, картину мира и ценности социума. То, что в «плане выражения» мировоззрения («текст» «кода культуры») выступало как совокупность представлений о мире, человеке и месте человека в мире, то в «плане содержания» мировоззрения («подтекст» «кода культуры») должно было символически «читаться» как совокупность представлений о пространстве, времени и месте человека в пространстве и времени. Только в этом случае мировоззрение превращалось из универсального «мерила» в универсальный «инструмент» конструирования природного и социального миров-пространств как места человека в мире, где под пространством понимались мир, космос, природа, земля, культура, имеющие собственное «временное» измерение, а под временем – человек, семья, социум, имевшие собственное «пространственное» измерение. Недаром и сегодня при оценке личности человека говорят, прежде всего, о ее «масштабах». В этом смысле, семья⁴ как реальный носитель совокупности пространственных и временных представлений социума становится носителем социальной семиотики. Так, в семиотическом пространстве культуры семья выступает как «модель» социума, а ее уклад – как архетип взаимодействия с окружающим (природным и вещным) миром и упорядочения социального пространства одновременно. В этом контексте заслуживает внимание «этический» аспект социальной семиотики, который раскрывался в сакрализации семейных отношений. Главным назначением социальной семиотики было выстраивание иерархии семейного «социума» и внутрисемейного взаимодействия, в чем выражался культ семьи и семейных уз. До тех пор, пока семья как исконный носитель социальной семиотики сохраняет статус культурного архетипа, – она остается ориентиром в расстановке социальных акцентов.

Семья как образец общественного устройства строилась по «космической» – архетипической – модели, в которой сакральным центром – главой «мира» семьи, был отец и

⁴ В статье «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности» К.С. Аксаков особенно подчеркивает, что на Руси исконно «действует свободная воля семьи, которая означает собственно союз людей, связанных чисто семейным родством, на тесной семейной основе, союз в своих действиях свободный и могущий по произволу расширяться и сжиматься для совокупного жительствова и хозяйства». Этим он убедительно доказывает, что в народной культуре семья была под влиянием не родового, а общинного начала, которое предполагало не только наличие «живой, свободной воли» и свободного голоса всех членов семьи, общее пользование имуществом, но и самое главное – «Любовь, дух человека». В этой связи К.С. Аксаков подчеркивает, что в семейной общине людей объединяли не кровные (физиологические), а нравственные узы, выраженные в искреннем желании «свободно и любовно исполнять волю отца».

далее, по степени приближенности – родители, жена, дети. Такой была патриархальная «семейная модель» как образец социальной семиотики. Совокупный социум повторял модель семьи, а сложившаяся система миропонимания, основанная на космологических представлениях о единстве всего со всем, в основе которых лежал мифологический принцип уподобления, способствовала ее консервации на уровне индивидуального и общественного сознания в форме домоцентризма.

Приведенная «схема» являла пример культа семьи и сакрализации семейных уз, скреплявших в непрерывном взаимодействии все ее поколения. Культ семьи, таким образом, определял содержание «этического» и «аксиологического» измерения «домашнего мира» как исходной – семиотической – модели мира социального. Такое миропонимание находило выражение в «кодифицированном» – ритуальном поведении, которое посредством социальной семиотики переводилось в повседневное. В этом контексте и пространство семьи, и пространство социума осмысливалось как пространство этическое⁵. Именно в нем складывались основные «этикетные» нормы поведения – лад, «кодифицировавшие» домашний и «социальный» уклад [Цивьян Т.В., 1985]. В этом контексте следует помнить следующее: так как символика дома выражала основные «категории» народной картины мира, а символика семьи и быта содержала информацию об этническом, региональном, религиозном, этическом и хозяйственном аспектах национальной культуры, то именно они играли исключительную роль в освоении подрастающими поколениями «внешнего» (природного), «внутреннего» (домашнего) и социального (этического) пространств окружающего мира как среды бытования социума. Таким образом, если в ретроспективе социальная семиотика представляла собой «тексты культуры», которые регулировали жизнь и деятельность коллектива, обеспечивая его продолжение в вечности, то в исторической перспективе они выступают как специфический «культурный код», поддерживающий исторически сложившийся «общественный порядок».

Рассматривая семью с точки зрения социальной семиотики, вполне логичным является представление, что предки и потомки составляют единую и нерушимую сакральную общину – семью-род, и шире – совокупный социум. Из такого представления, по мнению А.Я. Гуревича, в народной культуре прямо вытекает убеждение, что время – это солидарность человеческих поколений, сменяющихся и возвращающихся подобно временам года. Казалось бы, если социум органично увязывается с понятием «время», то и социальная модель, и социальная семиотика должны со временем изменяться. Но семья, во главе которой стоит отец – мужчина – как символ продолжения и сохранения рода, по-прежнему остается главным «культурообразующим» символом.

Именно по этой причине «власть» традиционной социальной семиотики, не претерпевшей

⁵ Дом был для славянофилов в первую очередь не физическим и даже не культурным, а этическим пространством – местом, где осуществляется истинная любовь. Идеал такого дома наиболее полно разработан у А.С. Хомякова. Он исходил из предпосылки, что у каждого славянина, принадлежавшего «к племени исконно земледельческому, есть глубокое желание иметь участок земли (олицетворявший дом – авт.), за которым он мог бы ухаживать, который он мог бы холить и улучшать по собственному разумению, на который он мог бы, наконец, смотреть как на что-то домашнее и семейное». Семья же – главная строительница и устроительница дома – не что иное, как «круг, в котором осуществляется истинная, человеческая любовь», при которой один человек становится для другого дороже самого себя. По мнению А.С. Хомякова, семья заставляет отказаться от индивидуалистической любви к самому себе и перенести эту любовь на жену или на мужа, на детей, на братьев и сестер. Именно таким образом в семье – доме – любовь «переходит из абстрактного понятия в живое и действительное проявление».

особых изменений в общественном сознании, до сих пор не «пускает» женщин во властные структуры, крупный бизнес и руководство государствами. Те редкие случаи, которые можно отыскать в прошлой и современной истории являются скорее исключением, чем правилом.

Ответ на этот вопрос может быть один – «семейная модель» этносов как носителей доминирующих социальных и культурных черт наций является основой их «культурного кода». Только изменение «семейной модели», а вместе с ней социальной семиотики, способно изменить «культурный код», и, в конечном счете, культуру. Однако здесь следует иметь в виду следующее: даже с изменением социальной семиотики и «культурного кода» «процесс» осознания этого факта имеет разную скорость протекания на уровне индивидуального и общественного сознания. Если в первом случае для изменения отношения к браку и новой «семейной модели» требуется в среднем 15–20 лет, то во втором случае – не достаточно и полной смены 4–5-ти поколений. Это утверждение имеет серьезные основания. Подрыв устоев традиционной – патриархальной семьи начинается с «умышленного» обоснования ее «эволюционного изменения». Оно было необходимо для доказательства неизбежности наступления капитализма – «врага традиционализма», якобы сдерживавшего инициативу индивида. Но если изменения в индивидуальном сознании, заложенные в переходный период XIX в., но «табуированные» общественным мнением, реализуются в узких – «прогрессивных» – «контркультурных» кругах западных модернистов, с начала XX в., то только в период тотальных глобализационных изменений начала XXI в., в западном общественном сознании наметилась робкая тенденция к принятию новой «семейной модели» – имеются в виду однополые браки.

Начиналось все с «бунта» против традиционализма как оплота коллективизма. «Революция против традиционалистского духа», как ее называет Рене Генон, прошедшая на Западе до наступления Нового времени, становится причиной сначала расшатывания, а затем изменения не только исторически сложившихся – традиционных – общественных устоев, но и устоев семьи, так как при изучении общества под прицелом исследователей оказывается, прежде всего, семья. Совершенно очевидным является то, что результаты исследований имели субъективный характер и сводились к доказательству «потребного» исторического момента – главенства частной собственности над другими формами собственности, доминирования формального права над естественным правом, исторической изменчивости семьи и брака, что, с одной стороны, не отражало реального отношения к семье в самом европейском социуме, с другой – получило далеко идущие последствия, например, современные «гражданские» и однополые браки.

Именно по этой причине, «сформированные на ином историческом и социокультурном материале, категории западных общественных наук не адекватно отражают реалии русской культуры в ее социальном и цивилизационном аспектах, что объясняет, почему многие западные и отечественные исследователи ищут в истории и культуре России те отношения и структуры, которых не существовало, упуская из виду свойственные ей реалии и явления» [Антонова Е.Л., 2013, 27]. Это относится, в частности, к пониманию семьи и ее места в русской культуре, а также подходам к ее изучению.

подавляющее большинство исследований современной семьи основано на работах «классиков» западной философско-культурологической мысли, а «технологии» ее изучения основываются на методологии западной социологии, выработанной как в иной социальной среде, так и с учетом иных принципов функционирования социальных институтов и иных целей их создания. Поэтому считать их адекватными реалиям русской культуры, не представляется

возможным – даже в эпоху современных глобальных трансформаций на уровне индивидуального сознания большинства молодежи представление о традиционной трехчастной – отец, мать, дети – модели семьи остается неизменным.

Заключение

На основании вышеизложенного, можно констатировать, что стереотипы культурного поведения и социальных отношений, сквозь призму которых оценивается действительность, формировались в рамках семиотических «моделей», уходящих корнями в мифологию. В семиотическом пространстве культуры трехчастная «модель» семьи представляет собой «модель» социума, а семейный уклад – «модель» взаимодействия с окружающим миром и «модель» упорядочения социального пространства одновременно. Действуя, в узком смысле, как «архетипы», а в широком – как элементы «культурного кода», эти «модели» на уровне общественного сознания, продолжают сохранять актуальность и в современных – «модернизируемых» – обществах.

Именно по этой причине семья, во главе которой стоит отец – мужчина – как символ продолжения и сохранения рода, по-прежнему остается традиционным «культурообразующим» символом. Подрыв устоев традиционной – патриархальной – семьи как носительницы социальной семиотики начинается с обоснования ее «эволюционного изменения» в трудах буржуазных философов. Если идеологи феодализма стояли на «мировоззренческо-космологических» позициях, как сторонники неизменности семьи, то в воззрениях буржуазных философов доминировало «историческое» понимание прошлого, настоящего и будущего, которое переносилось на семью как носителя социальной семиотики.

Это означает, что результаты западных исследований семьи имели субъективный характер и сводились к доказательству «потребного» историческому моменту и не отражали реального отношения к семье в европейском социуме. Только во второй половине XX столетия, в преддверии периода глобальных трансформаций, Западноевропейское общество напрямую столкнулось с последствиями «теоретических обоснований», сформировавших общественное сознание «толерантное» к любым отклонениям от нормы, в том числе – к изменению «модели» семьи как носителю социальной семиотики.

Библиография

1. Антонова Е.Л. Актуальные теоретико-методологические проблемы осмысления народной художественной культуры: опыт концептуальной реконструкции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 2. С. 27-31.
2. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
3. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: УРСС Эдиториал, 2007. 257 с.
4. Жидков В.С. Культура как «генетический код» человечества // Общество и экономика. 2001. № 9. С. 74-92.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Том II. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.
6. Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М.: пер СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 304 с.
7. Лукина О. Г., Бычков Ю., А., Реш О. В. Мифологические образы птицы и орнитоморфная символика в традиционных культурах народов Севера // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 42-50.
8. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 154-178.

Family as a carrier of social semiotics in its cultural and historical change

Elena L. Antonova

PhD in Philosophy, Docent,
Associate Professor at the Department of philosophy, cultural studies, science studies,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
308033, 7 Koroleva st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: e-pi-fan@yandex.ru

Olesya V. Resh

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of general theoretical disciplines and the humanities,
Belgorod State Institute of Arts and Culture,
308033, 7 Koroleva st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: Olesya-Resh@yandex.ru

Abstract

The article raises the question of how the global tendency to replace semantics (not only scientific terms, but also well-established concepts in the public consciousness) influences the formation of worldview and worldview. The main scientific directions are considered, indicating a widespread increase in interest in the semiotic «knowledge» capable not only of shedding light on the past, but also on the possible future of mankind, which depends entirely on the purpose of re-enumeration of the «old» symbols hidden in the «new» «codes» of culture and already emerging in the narrow circles of the world and national elite. The results of the study suggest that many modern problems are based on the breakdown of human consciousness, which for centuries has been as a «homo hierarchicus» - a hierarchical person - in the traditional cultural and semiotic space, strictly protected by the laws of natural law and social morality.

If we remember that «sign», «knowledge» and «consciousness» have a common root, we can understand what opportunities for the construction of the «necessary» reality were opened and opened in historical perspective to the «initiates». The comprehension of semiotics as a system of signs helps today to consider a wide range of its ideological and practical applications: in the historical period in the field of the formation of worldview (individual and public consciousness), in the modern world - with the aim of radically changing the established social order (internal structure of society). In this context, the semantics of the historically established social «semiotics acts as a secondary, post-language, modeling system» (by Lukina O.G., Bychkov Y., A., Resh O.V., 2019, 42), of which the family as the original model of society is the bearer. Since the family, society, power are organized by a single three-dimensional model, the slightest change in its «architecture» at once, as a harbinger of the future social.

For citation

Antonova E.L., Resh O.V. (2020) Krest'yanskoe zhilishche v semioticheskom prostranstve narodnoi khudozhestvennoi kul'tury [Family as a carrier of social semiotics in its cultural and historical change]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (4A), pp. 76-86. DOI: 10.34670/AR.2020.80.56.010

Keywords

Social semiotics, semantics, family, Russian culture, sign-symbol, cultural text, cultural code.

References

1. Antonova E.L. (2013) Actual theoretic and methodological problems of understanding folk art culture: experience of conceptual reconstruction / Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art studies. The questions of theory and practice. Tambov: Gramota, No 9. Ch. 2, pp. 27-31.
2. Derrida J. (2000) On grammar. M.: Ad Marginem, 512 p.
3. De Sossur F. (2007) General Linguistics Course. M.: URSS Editorial. 257 p.
4. Zhidkov V.S. Culture as the «genetic code» of mankind / Society and economy. 2001. No 9, pp. 74-92.
5. Cassirer E. (2002) Philosophy of symbolic forms. Volume II. Mythological thinking. M.; St. Petersburg: University Book, 280 p.
6. Kosarev A.F. (2000) Philosophy of Myth: Mythology and its Heuristic significance. M.: per SE; St. Petersburg: University Book, 304 p.
7. Lukin O. G., Bychkov, A., Resh O.V. (2019) Mythological images of a bird and ornithomorphic symbolism in traditional cultures of the peoples of the North / Herald of the Moscow State University of Culture and Arts. No 5 (91), pp. 42-50.
8. Tsivyan T.V. (1985) Mythological programming of everyday life / Ethnic stereotypes of behavior. L., pp. 154-178.